

7. КЪ НЕЙ ЖЕ.

[С.-Петербургъ. Августъ 1832].

Любезная Софья Александровна! До самаго нынѣшняго дня я былъ въ ужасныхъ хлопотахъ: ѣздилъ туда-сюда, къ Вѣрѣ Николаевнѣ на дачу и проч.; разсматривалъ городъ по частямъ, и на лодкѣ ѣздилъ въ море. Короче, я ищу впечатлѣній, какихъ-нибудь впечатлѣній...

Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей; быть своимъ шутомъ! Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренность, которую имѣлъ къ душѣ своей?.. Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ я догадался, что не гоюсь для общества, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Вчера я былъ въ одномъ домѣ, у NN, гдѣ, просидѣвъ 4 часа, я не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ слова отъ ихъ умовъ — быть можетъ, слава Богу!

Вашей комиссіи я еще не исполнилъ, ибо мы только вчера перебрались на квартиру. Прекрасный домъ, и со всѣмъ тѣмъ душа моя къ нему не лежитъ: мнѣ кажется, что отнынѣ я самъ буду пустъ, какъ былъ онъ, когда мы въѣхали.

Пишите мнѣ, что дѣлается въ странѣ вашего царства. Какъ свадьбы? Все ли въ Средниковѣ или въ Москвѣ? Чай, Александра Михайловна да Елизавета Александровна покою не знаютъ, все хлопочутъ!

Странная вещь! Только мѣсяцъ тому назадъ я писалъ:

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію на зло!
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманы;
Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

И пришла буря, и прошла буря, и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театралный видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда-нибудь...

Надобѣла я вамъ своими диссертациями! Я короче сошелся съ Павломъ Евреиновымъ; у него есть душа въ душѣ. Одна вещь меня безпокоитъ: я почти совсѣмъ лишился сна, Богъ знаетъ, надолго ли. Не скажу, чтобъ отъ горести: были у меня и больше горести, и я спалъ крѣпко и хорошо. Нѣтъ, я не знаю: тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ.

Дорогой я еще былъ туда-сюда; прѣхавши, не гоюсь ни на что. Право, мнѣ необходимо путешествовать: я — дыганы!

Прощайте. Пишите мнѣ, чѣмъ поминаете вы меня? Общаю вамъ, что всѣ мои письма будутъ такіа; теперь я болтаю вздоръ, потому что натошакъ. Прощайте... Членъ вашей bande joyeuse M. Lerma.

Р. С. У тетюшекъ моихъ цѣлую ручки, и прошу васъ отъ меня отнести поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ... во второмъ разрядѣ коихъ Achille, арапъ; и если вы не въ Москвѣ, то мысленно. Прощайте.

8. КЪ НЕЙ ЖЕ.

Примите дивное *Посланіе*

Изъ края дальняго сего;
Оно не *Писаніе* писанье,
Но Павелъ вамъ отдалъ его.

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь — красный воротъ,
Какъ шипъ торчитъ передъ тобой,
Нѣтъ милыхъ сплетенъ — все сурово,
Закопъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,
А нѣтъ не пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,
Не беспокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!..

И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.
Нѣтъ, какъ оно, я не былъ воленъ;
Болѣзнью жизни — скукой болѣнъ;
[На зло былымъ и новымъ днямъ];
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

Экспромтомъ написалъ я вамъ эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имѣю духу продолжать такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю отчего, поэзія души моей погасла.

По произволу дивной власти
Я выкинутъ изъ царства страсти.
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной разшибленный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ —
Не слышитъ ласки инвалидъ:
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ.
Никто ему не вѣрится болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ не годится и на волѣ!
Погибъ — и данъ ему покой!

Мнѣ кажется, что это не дурно вышло. Пожалуйста, не рвите этого письма на нужныя вещи. Впрочемъ, если бѣ я началъ писать къ вамъ за часъ прежде, то, быть можетъ, писалъ бы вовсе другое; каждый мигъ у меня новыя фантазіи. Прощайте, дражайшая. Я къ вамъ писалъ изъ Твери и отсюда, а до сихъ поръ не получилъ отвѣта — стыдно; однако я прощаю — и прощаюсь. M. Lerma.

Тетенькѣ и всѣмъ нижайшее почтеніе. Пишите, что дѣлается, и слышится, и говорится.

У Демидовой былъ — дома не засталъ; она была у какой-то директорши — Богъ знаетъ! Я письма не отдалъ и на-дняхъ побѣду опять. Не имѣю слишкомъ большаго влеченія къ обществу: надобно! Все люди, такая тоска: хоть бы черти для смѣха попадались. — [1832].

9. КЪ МАРЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ЛОПУХИНОЙ.

[S.-Pétérsh. 1832], le 28 Août.

Dans le moment où je vous écris, je suis très-inquiet, car grand-maman est très-malade, et depuis deux jours au lit. Ayant reçu une seconde lettre de vous, c'est maintenant une consolation que je me donne. — Vous nommer toutes les personnes que je fréquente? — moi c'est la personne que je fréquente avec